

Герой нашего времени

ПОСТЮБИЛЕЙНЫЕ ЗАМЕТКИ

НЕПРАВИЛЬНЫЙ ЮБИЛЯР

Правильные юбиляры заранее напоминают окружающим о приближающейся круглой дате. Правильные юбиляры, если речь идет о людях искусства, устраивают персональные выставки, бенефисы, фотосессии. Владимир Солопов, на мой взгляд, юбиляр совершенно неправильный. Джинсы восьмидесятилетнего актера, правда, уже не удивляют, как спецодежда людей любого возраста. Но голос, с валяжными раскатами, с где-то там, в отдалении, звучащей иронией, на самом деле не соответствует паспортным данным. Не соответствует этим данным и достаточно странное, особенно по нынешним «рыночным» временам, спокойствие Владимира Алексеевича.

Он почему-то не борется за роли и вообще за место под театральными софитами. Он предстает перед публикой – просто-таки послушный исполнитель режиссерской воли – в ролях, которые актеру его таланта и диапазона, его положения и предложить-то не всякий решится. В «Гамлете», думалось, кого же ему играть, как не Клавдия. Нет, Полоний. Что ж, Полоний так Полоний, но не кондовый, туповатый царедворец, а элегантный интриган, разыгрывающий свою партию и умиляющийся плодами своей разрушительной работы. Трактовка, однако! Хотя, по всей видимости, и перевесившая неведомо куда испарившийся режиссерский замысел. Или в «Волках и овцах», думалось, Лыняев (хоть актер и постарше этого персонажа, но форму держит) получится у него роскошный, ласково-циничный. И опять – роль второго плана, да еще не в сюртуке, а в поддевке: не просто замшелая, но не желающая себя таковой признавать развалина. Персонаж, мягко говоря, второстепенный оказался настоящим, матерым волком, чьего единственного зуба не стоят окружающие его шавки.

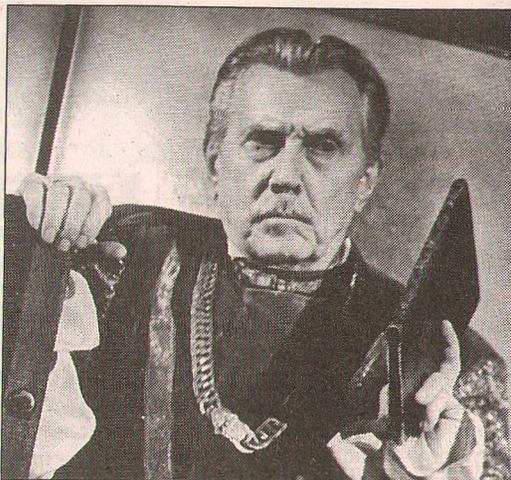
Мы все слышали про то, что нет маленьких ролей. Но то, что у большого артиста любая, даже по ошибке доставшаяся роль – профессиональное достижение, это видим воочию. Благодаря «неправильному» Солопову.

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Города, видевшие Солопова не как гастролера, а как ведущего артиста местных трупп, не так уж малочисленны. Самара, Ташкент, Волгоград, Рязань – столица и просто большой областной центр, на юге и в центре России, да и не только в России.

Волковский театр – дважды, хотя, кажется, нелегко дважды входить в одну реку. Но ведь и «река» Волковского за время разлуки актера с этим театром сильно изменилась. Прежде были твердые берега шишигинского правления, при возвращении Солопова – безбрежность режиссерского многолюдства и сценического разностилья. И уж старожилам Ярославля или далеким от нас историкам судить, «волковский» ли актер Солопов, если считать, что есть такое понятие.

Во всех городах, где в последние десятилетия работал Солопов, его очень любила публика. Он становился ее любимцем быстро, а по отъезде заставлял долго тосковать. Больше тридцати лет назад он работал в Самаре, но его ролями по сей день меряют похожих – или непохожих –

Владимир Солопов в роли Полония («Гамлет») и Лыняева («Волки и овцы»).

Фото Юрия БАРЫШЕВА.

по амплу актеров. В Ташкенте он работал в период заметного подъема тамошнего русского театра. Там была очень сильная мужская часть труппы, и только присущей ему краски, ироничной и надбытовой, не доставало. Избалованной собственными традициями и постоянными гастрольями столичных театров ташкентской публике Солопов сразу «пришелся», вызвав немалую ревность театральных старожил. А он знай себе играл – и горьковского инженера-нигилиста Цыганова в «Варварах», и постаревшего советского офицера Никитина в бондаревском «Береге», и что-то грузинское, психологическое, и что-то французское, детективное. Диапазон, как всегда, был велик.

В переменах театров на удивление быстро (очевидно, потому, что профессионально в своей основе) выстраивалось общение с партнерами. С молодыми актерами, которые – точно это знаю по опыту нескольких поколений – никогда не становятся у него объектами традиционных для театра и подчас жестоких розыгрышей. Молодых Солопов холит своим общением, не затмевает, но и не потакает их неумелости, работает с ними как с равными себе.

Особое общение – с партнершами, причем любого возраста. Уже не говорю о том, что на примере Солопова актеров, причем далеко не только начинающих, нужно учить целовать ручки, пододвигать стул или подавать пальто. Но есть такой редкий случай, как партнерская гармония, единое понимание жанра и стиля, единый ритм существования при абсолютном различии конкретных приемов игры. Такое партнерство, к счастью, существует сегодня на волковской сцене у Владимира Солопова с Натальей Терентьевой, и дуэты их, не только в виде крупных эпизодов, но даже мимолетных реплик и обмена взглядами, – это тот высший пилотаж актерского мастерства, который достигается не опытом и длительностью репетиций, а духовным созвучием.

ВСЬ В БЕЛОМ

Сколько ни было у Владимира Солопова «костюмных» ролей, любое исторически далекое одеяние ему соразмерно. Что генеральский мундир молодящегося Крутицкого, что двояковыпуклый черепаший панцирь Сквозник-Дмуха-

Фото Сергея МЕТЕЛЛИЦЫ.

новского, что безумная в своей неуместности длиннополая шинель Фомы Опискина. Как, думаю, оставшийся любимой легендой старых ярославских театралов мундир Печорина. Пиджак, сюртук, бархатная домашняя куртка, цилиндр-шапоклан, берет – все это его.

Всегда – легкая небрежность, отнюдь не неярливість. Этакое чувство свободы человека, словно бы с детства привыкшего к необходимости держать прямо спину и потому не испытывающего неудобств от всех этих театральных кресел и пуфиков, от деревянных лавок и бутафорских тронов.

Одной из звездных, соединивших блеск мастерства и свободу существования, мне кажется у Солопова роль редкостного прохиндея и отчасти бандита. Роль, которая собрала в себе признаки изысканного и чуть небрежного аристократизма, легкости в обращении с дорогими вещами, умения так носить страшноватенькие театральные отрепья, что сомнения в наличии го-

лубой крови в жилах возникнуть просто не могло. Это был сыгранный в Ташкенте в аллюзии Брехта «Трехгрошовая опера» Мекки-Нож.

Хозяин жизни и мелкий жулик, дамский угодник и хам, грубо «строивший» проститутку, лихой и респектабельный, – это был совершенно феерический сценический фат. Жесткие нотки в голосе, залихватские передвижения по странной горе хлама, на которой происходило действие, резко сменяемый темп реакций поневоле очаровывали зрителей, готовых простить любые гадости обаятельному негодяю. Актер даже позволял себе «похулиганить», мгновенно и при этом не таясь вздергивал вниз-вверх молнию на брюках в момент свидания с очередной пассией. И делал это так мимоходом, не смакуя и не подчеркивая экстраординарность (для советской-то публики) этакого пассажа, что можно было восхищаться иллюзионистской ловкостью и отточенностью жестов, а не сетовать на нарушение морали.

Можно ли было ожидать от актера прошедшего долгий путь в советском и в разрушающемся русском театре, что в его сценических персонажах – где больше, где меньше, в соответствии с художественной правдой – сохранится то, что принято называть породой?

Ну, извините, есть у человека стиль, есть манера, есть индивидуальность, есть узнаваемый и притягательный способ существования. Как были они у очень немногих русских актеров – у суховато-изысканного Кторова или барственно-эффектного Стрельчика. Таких господ в какой театральный костюм ни наряди, кажется – он весь в белом, причем свежееглаженном, хрустящем и совершенно уместном даже среди хипповатой толпы.

Этот господин победительно вышел на волковскую сцену умопомрачительно красивым и обаятельным Печориным. И вернувшись через годы, живет на ней по сей день, герой уже нового, дурного или прекрасного, но нашего времени.

Татьяна ЗЛОТНИКОВА,
доктор искусствоведения.